

VERNACULAR REGIONS AND STATE IDEOLOGIES: THE TAVRIA CASE

Mykola Homanyuk

Kherson State University
ORCID 0000-0002-9625-1968

<https://doi.org/10.36169/2227-6068.2020.01.00002>

Abstract. *The political, economic and geo-ecological issues of the use and current distribution in the south of Ukraine of Tavria toponymy, together with the development of an ideological component for Tavria toponymy use, are discussed in this article.*

In particular, the author speaks about the functions of Tavria toponymy use in the following three historical periods: the implementation of the so-called “Greek project” of Russian Empire; the construction of irrigation systems in the south of Ukraine under Soviet Union; the time of independent Ukraine in the frame of market economy, and specifically during the decommunization campaign. The author draws his conclusions of a significant influence of ideology on the formation of areals of vernacular regions, and of a close relationship between toponymy adopted, and the political, economic and environmental programs and activities implemented in the corresponding times. The author bases his conclusions on an analysis of: toponymy renaming in the period from XVIII to XXI centuries; a number of examples found in literature, and, in modern times, advertising sources; and in-depth interviews conducted by the author with a number of ordinary people inhabiting south Ukraine regions. The author also draws attention to the hidden ideological meaning of toponyms often referred to as politically neutral, because of their apparent appeal to nature, geography, history and economic reasons.

Keywords: *Tavria, vernacular region, toponymy, state ideology*

ВЕРНАКУЛЯРНЫЕ РЕГИОНЫ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИДЕОЛОГИИ:

ТАВРИЙСКИЙ КЕЙС¹

Николай Гоманюк

Херсонский государственный университет
ORCID 0000-0002-9625-1968

Аннотация. В статье рассматриваются политические, экономические и геоэкологические аспекты распространения топонимии, имеющие отношение к названию «Таврия», генезис идеологической составляющей «таврийской» топонимии и каналы её распространения. В частности, речь идёт о месте топонимики в ходе реализации «Греческого проекта» Российской империи, в ходе строительства оросительных систем на юге Украины в годы Советского Союза, о таврийской топонимии в условиях рыночной экономики и о её использовании в ходе кампании декоммунизации в независимой Украине. На основе анализа переименований в XVIII–XXI веках, литературных источников, рекламных материалов, публицистики и глубинных интервью делаются выводы о влиянии идеологии на формирование ареалов вернакулярных регионов, о взаимосвязи топонимии с политическими, экономическими и экологическими проектами. Автор также обращает внимание на скрытую идеологическую окраску топонимов, апеллирующих к природе, географии, истории, экономике, то есть тех названий, которые часто относят к политически нейтральным.

Ключевые слова: Таврия, вернакулярный регион, топонимия, государственная идеология

Введение, обзор литературы и методика исследования

В 2015–2016 гг. в Украине прошла очередная волна переименований, продиктованная политикой декоммунизации. С карты страны исчезли тысячи топонимов, которые были прямо или косвенно связаны с коммунистическими идеями и советским прошлым страны. На их место пришли новые названия. Анализируя их структуру, целый ряд исследователей предложили свои классификации топонимов, среди которых практически всегда встречается категория «идеологически (политически) нейтральные» (Drogushevskaya 2017; Males & Deineka 2020). К этой

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской темы «Регионализм и формирование региональных идентичностей Юга Украины», государственный регистрационный номер 0117U004706.

категории относят самые разные названия: абстрактные и исторические, названия, апеллирующие к природе, географии объекта, хозяйственной деятельности, лирическим метафорам. В эту категорию попали «нейтрально-положительные» названия (Takhtaulova 2017), «топографические» и «поэтические» (Gnatiuk 2018; Kudriavtseva 2020). Однако и здесь иногда высказываются сомнения в нейтральности таких переименований. Например, это касается топонимов с религиозным контекстом, которые противоречат конституционной поликонфессиональности и секулярности в Украине (Males & Dejneka 2020). Обращаясь к слогану известного современного художника Ай Вейвее «Всё есть искусство. Всё есть политика» (Ai Weiwei 2019), можно радикально усилить сомнение в нейтральности данной топонимической категории. В условиях политического противостояния даже самые «ботанические» на первый взгляд названия могут оказаться не лишёнными вполне конкретного идеологического смысла.

По Луи Альтюссеру, смысл идеологии состоит в искажении реальности, в создании несуществующей реальности. «Идеология — это “представление” о воображаемых отношениях индивидуумов с реальными условиями их существования» (Althusser 1971). Эта реальность обеспечивается идеологическими аппаратами государства (ИАГ). Под идеологическими аппаратами государства Альтюссер предлагает понимать «некоторое количество таких реальных явлений, которые предстают непосредственному наблюдателю в форме различных специализированных общественных институтов». Некоторые из ИАГ, — например, информационный (пресса, радио и т. д.), культурный (изящная словесность, искусство, спорт и т. д.), религиозный, школьный — пересекаются с топонимическими политиками.

В работах по критической топонимике изменения на картах часто связываются с продвижением идеологий, политическими трансформациями и процессами формирования идентичностей. Изучая топонимику, Маоз Азарьяху приходит к выводу о том, что наименование улиц в коммеморативных целях является фундаментальной чертой современной политической культуры, поскольку «объединяет в себе господствующие идеологические структуры с пространственными практиками в повседневной жизни» (Azaryahu 1994). Как «результат подавляемого стремления к свободному выражению национальной идентичности» рассматривает пост-югославские переименования в Хорватии Ивана Црленко (Crljenko 2012), влиянию идеологии на названия улиц, площадей и парков в Словакии посвящены работы Славомира Бухера и др. (Bucher et al. 2013), региональным особенностям переименования, вопросам укрепления национальной идентичности и важности региональных топонимов в Украине посвящены работы Алексея Гнатюка (Gnatiuk 2018).

Разрабатывая тему взаимодействия литературы и государственной идеологии в Российской империи, Андрей Зорин указывал, что «литература — лишь одна из возможных сфер производства идеологических метафор. Исторически эту роль с успехом играли также театр, архитектура, организация придворных, государственных и религиозных празднеств и ритуалов, церковное красноречие и многие другие

области человеческой деятельности. В XX в. такую функцию чаще исполняют кино, реклама и различные жанры СМИ» (Zorin 2001: 36). В указанной работе много внимания уделяется и топонимии, а именно метафорической античной, в том числе таврийской, как важном проводнике идеологии во времена присоединения Крыма. Связи «Крымского текста» с «мифом Тавриды» как с «южным полюсом Петербургского литературного мифа» посвящены работы Александра Люсыя (Ljusyj 2003). Важным компонентом мифа Тавриды является его идеологическая, в частности имперская, составляющая.

А. Зорин в своих работах неоднократно обращается к Тавриде/Таврии, подчеркивая идеологические причины внедрения греческой топонимики в Северном Причерноморье в годы противостояния с Османской империей. «Таврийский» кейс можно успешно использовать для изучения производства идеологических метафор и в пост-имперский период, и в наше время. Одним из последствий кампании декоммунизации в Украине стало появление на территории степной Украины пяти населённых пунктов с названием «Таврийское». При этом в регионе уже существовало пятнадцать населённых пунктов с таким же или подобными названиями (Нотануик 2019). И все они появились в периоды социально-политических и экономических трансформаций.

В предлагаемом кейс-стади на примере одного топонима — Таврии — рассматриваются различные варианты производства идеологических метафор, идеологические аппараты государства как их «средства доставки» и произведённый ими эффект на юге Украины. Обращаясь при этом к концепции «пространственного поворота», согласно которому «пространства не существуют, пространства создаются» (Schultz цит. по Shenk 2016), можно выйти на более широкий спектр проблем взаимодействия идеологии, топонимии и топонимики, восприятия пространства, формирования идентичностей и так называемых вернакулярных или перцепционных регионов как «продукта восприятия пространства среднестатистическим человеком» (Jordan 1974: 293), т. е. географических районов, «бытующих в обыденном сознании общества или его части в виде образа определённой территории, обладающей названием и специфическими качествами» (Smirnjagin 2013: 35). В формате вернакулярного региона имидж территории, её образность и топонимия приобретают принципиальное значение, а продуцируемый ИАГ текст — литературный, публицистический или рекламный — инструментальную ценность.

Переходя в советское время, литература не только изображает широкомасштабное преобразование общества и природы, как в других регионах Советского Союза, например, в среднеазиатской Голодной степи (Bichsel 2017), но служит каналом формирования положительного общественного мнения в отношении грядущих изменений. И это тоже может отражаться в региональной топонимике. Процессы взаимодействия действующей идеологии, восприятия различных аспектов пространства и топонимия этого пространства взаимодействуют друг с другом, но механизмы этого взаимодействия, вовлекаемые в него ИАГ, и последствия в зависимости от характера идеологии ещё недостаточно изучены.

Целью статьи является выявление взаимосвязи между процессами формирования вернакулярных регионов, их границ и топонимии, и политическими, экономическими и экологическими проектами, осуществляемыми в рамках той или иной идеологии.

В основу данного исследования были положены также концептуальные основы конструктивизма, в частности механизмы формирования наций по Бенедикту Андерсону (Anderson 1991), где и нация, и границы её ареала мыслятся как воображаемая целостность, мысленный конструкт. Теоретические положения Б. Андерсона можно использовать также для отдельных регионов. Айвер Нойманн в своих работах утверждает, что регионы воображаются в соответствии с теми же механизмами, по которым, согласно Б. Андерсону, воображаются нации (Neumann 1999). Этот подход можно применить и для вернакулярных (перцепционных) регионов.

В предложенном исследовании я обращался к разным источникам. Одни из них представляют ИАГ, другие — повседневность, сознание обычных граждан (при этом в разных политических условиях функции этих источников могут меняться). К первой группе можно отнести литературный мейнстрим (романистику, поэзию), пропагандистскую публицистику, кино, театр и песенное искусство как культурный ИАГ. Бенедикт Андерсон в своей работе «Воображаемые сообщества» подчёркивал ключевую роль печатной публицистики и литературы в процессе формирования целостных представлений о том самом «воображаемом сообществе» (Anderson 1991). Ко второй группе можно отнести литературу второго ряда (локальные писатели, любители), рекламные материалы, интервью с обычными гражданами. Топонимию можно отнести и к ИАГ, и к повседневной реакции на деятельность ИАГ. В качестве ономастических источников я также рассматриваю эргониимику (собственные имена деловых объединений людей) и прагматониимику (обозначение товарных знаков и марок товаров) (Podol'skaja 1988). Как показывает опыт отдельных авторов (Zelinsky 2010; Gnatiuk 2014), эргониимика и прагматониимика являются ценными источниками данных, касающихся восприятия пространства, очерчивания границ вернакулярных районов и ареалов распространения тех или иных идей. Я также обращаюсь к социологическим данным. Для оценки воздействия топонимических политик, осуществляемых ИАГ, я использую данные глубинных интервью, проведенных в 2014–2017 гг. в Херсонской области и Крыму (всего 18 человек разного пола и возраста). В методико-методологической части я обращался преимущественно к дискурс-анализу и плотному описанию, а также использовал элементы статистического анализа и картографического метода.

Расширение Таврии

По мнению исследователей, происхождение топонима «Таврия» — греческое. По Геродоту, северная граница Таврии (Таврики, Тавриды) проходила по линии современных Евпатории-Симферополя-Феодосии. Позже так стали называть весь Крымский полуостров. С образованием Крымского ханства и утверждением в юго-

западном Крыму Османской империи сфера употребления топонима Таврида/Таврика сокращается (Yanko 1973: 145; Murzajev 2001; Yas' 2013).

Возвращение на карту топонима «Таврида/Таврия» и последующее расширение границ Таврии связаны с завоеванием Северного Причерноморья Российской империей, осуществлённым в рамках так называемого «Греческого проекта», одной из целей которого было создание зависимого от России греческого государства. Присоединение Крымского ханства должно было стать его промежуточным этапом. Идеологически проект подпитывался историческими и религиозными мотивами, что нашло отражение в литературе того времени. Историческая Таврида становится важной частью идеологического конструкта (Zorin 2001). В итоге на завоёванных землях в 1784 г. создаётся Таврическая область, включавшая в себя кроме Крыма-Тавриды ещё часть южного левобережья Днепра. Впоследствии Таврическая область была реорганизована в Таврическую губернию с административным центром в Симферополе, которая просуществовала с 1802 по 1921 гг.

В довоенном Советском Союзе официальная «таврийская» топонимика исчезла с карт. Территория Тавриды/Таврии была распределена между несколькими областями. Но в 1950 г. Совет Министров СССР принимает постановление «О строительстве Каховской ГЭС на реке Днепр, Южно-Украинского канала, Северо-Крымского канала и об орошении южных районов Украины и северных районов Крыма» (Sovmin 1950), и о Таврии опять вспоминают. Таврийская степь становится местом, где ведётся одна из «Великих строек коммунизма» (Рис. 1). Рукотворные реки должны были не только создать «прекрасные условия для больших, невиданных урожаев в южных степях Советской Украины», но и «отобразить идею величия советского народа, который успешно строит коммунизм под проводом партии Ленина-Сталина» (Grauzhis et al. 1953). Поэтому вход в Южно-Украинский канал должен был открываться 62-метровыми монументами Ленина и Сталина, выполненными из кованой меди и розового гранита (Grauzhis et al. 1953). Вот как эти идеи отражались на страницах газет и книг:

«Изнемогая от жары, степи Таврии давно ждали человека, который властной рукой укротит чёрные силы стихии. И вот этот человек, вооружённый первоклассной техникой отечественного производства, пришёл. Это — советский человек» (Kovaljov et al. 1958: 176).

«Этапным в истории социалистической Херсонщины был день 21 сентября 1950 года, когда Советское правительство приняло решение о строительстве Каховской ГЭС. С этого дня открывались прекрасные перспективы развития херсонских колхозов и совхозов, превращения степей безводной Таврии в крупный район орошаемого земледелия» (Danylenko et al. 1967: 74).

Рис. 1. Почтовая марка СССР из выпуска «Великие стройки коммунизма». На марке изображена карта-схема Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов.

Год издания — 1951

Художник Евгений Гундобин

Тираж 1 000 000 шт.

Источник: Первый отечественный портал для филателистов

В годы строительства Каховского гидроузла и оросительных систем в регионе начинает появляться и «таврийская» топонимия. В 1950-х гг. в Запорожской и Херсонской областях появляются сельские поселения с названиями «Таврия», «Тавричанка» и «Таврийское». Первым в этом списке становится село Таврия в Запорожской области, основанное в 1952 г. «строителями Южно-Украинского канала», как указывается в Истории городов и сёл Украинской ССР. В 1956 г. станция Попово Приднепровской железной дороги переименовывается в ст. Таврийск. В 1957 г. первое «таврийское» название появляется и на правом берегу Днепра, то есть на территории, которая никогда не входила в состав Таврической губернии. Зато именно на правом берегу в 1957 г. была введена в эксплуатацию первая оросительная система на юге Украины, питающаяся водами Днепра — Ингулецкая.

«На карте старой Таврии появились новые трассы, связывающие левый и правый берега Днепра, — автомобильная трасса и железная дорога, построена Ингулецкая оросительная система, из Каховского водохранилища берёт начало Краснознаменский [с 2018 г. — Александровский, рукав Северо-Крымского канала – авт.] оросительный канал» (Kovaliov et al. 1958: 47).

В этой статье автор «присоединяет» Правобережье Днепра к Таврии. Жительница посёлка Таврия Херсонской обл. вспоминала, что впервые слово «Таврия» она услышала именно в контексте строительства оросительного канала:

«Когда строили канал, всё время шли передачи, что наша степь расцветёт, что это будет богатый таврийский край» (Ж, 78, Херсонская обл.).

То есть респондент спустя полстолетия воспроизвёл публицистическое клише о том, что канал «даёт жизнь тысячам гектаров плодородных таврийских степей» (Danylenko et al. 1967).

К 1980-м гг. топоним «Таврия» распространился на территорию Нижнего Приднепровья и Приазовья, которые попали в сферу влияния Постановления Совета

Министров СССР 1950 г. (Sovmin 1950). Хотя планам по созданию Южно-Украинского канала, который должен был принести днепровские воды вглубь Запорожской и Донецкой областей, не суждено было сбыться, частично они были реализованы благодаря сооружению в 1970-х гг. Каховской и Северо-Рогачицкой оросительных систем, воды которых орошают часть районов Запорожской и Херсонской областей. Но миф о преобразении таврийской степи вышел за пределы орошаемых земель. В результате к 1991 г. в Днепропетровской, Донецкой, Запорожской, Херсонской областях и степном Крыму насчитывалось уже 14 населённых пунктов с «таврийскими» названиями.

После распада СССР таврийский (вернакулярный) регион продолжает расширяться. Хотя в 1992 г. тут по инерции появляется ещё одно село с названием «Таврийское», в большей степени это движение было связано уже с либерализацией экономики. В южноукраинских областях начинают регистрироваться различные фирмы и организации с «таврийскими» наименованиями, производится продукция и организовываться массовые мероприятия с «таврийскими» названиями.

Последнее закрепление «Таврии» в украинских степях связано с упомянутой кампанией переименования 2015–2016 гг. В ее ходе таврийская топонимия стала уже инструментом декоммунизации. Кроме новых пяти сёл и посёлков с названием «Таврийское», на картах населенных пунктов Украины появились ещё и десятки «таврийских» улиц (Dukach 2018). «Таврия» стала восприниматься как крупный вернакулярный (перцепционный) регион, охватывающий большую часть степной зоны Украины, которая изначально подпадала под действие упомянутого Постановления Совмина СССР (Sovmin 1950).

Таврийская степь в мире идеологий

В 1952 г. выходит новый роман одного из самых крупных (по крайней мере, по тиражам) украинских писателей XX в. Олеся Гончара. Название романа — «Таврия». В нём описывается судьба полтавского подростка, который устраивается на работу к крупным землевладельцам Фальцфейнам. Роман написан в соцреалистических традициях и с классовых позиций демонстрирует, как ведомые революционерами трудящиеся восстают против эксплуататоров. Действие романа начинается на ярмарке в местечке Каховка и продолжается в имении Аскания-Нова, то есть в Северной Таврии — так в первой половине XX в. называли материковую часть Таврической губернии.

С первой до последней страницы роман пропитан жаждой — «весь таврийский эпос проникнут мечтой об орошении степей» (Honchar 1952). Воды не хватает никому — ни людям, ни животным, ни земле. Вода есть только у помещиков, а точнее у «таврийской леди» Софьи Фальцфейн (этот литературный персонаж имеет реальный прообраз — крупную предпринимательницу Софью Фальц-Фейн). В романе капиталисты узурпируют не только землю, но и воду. Герои романа постоянно мечтают о воде. Одни (крестьяне) о том, чтобы просто напиться, другие (интеллектуалы) — о

том дне, когда «днепровская вода торжественно потечёт от Каховки в адские бурные степи Присивашья». Один из героев фактически озвучивает постановление Совмина:

«Возведя соответствующие сооружения, можно направить воды Днепра в степь самотёком. Устройство оросительной системы не только не идёт вразрез с интересами судоходства и использованием энергии порогов, а наоборот, все эти три главные проблемы края гармонически сочетаются между собой. Орошение и только орошение может спасти наш край от бесконечных засух и чёрных бурь, от катастрофических для крестьянства недородов. А для государства орошение Таврии будет равнозначно тому, что оно приобретет новый Крым или Ломбардию» (Honchar 1952).

«Таврия» О. Гончара фактически закрепила за Северной Таврией статус «полноценной» Таврии — без прилагательного «северная». Автор по-разному называет место действия романа: «таврийские буйные степи», «степная Таврия», «украинские прерии», где дует «таврийский сирокко», «наша житница, наша тревожная, вечно ищущая Таврия» (Honchar 1952). Иногда фигурируют топонимы «степи Новороссии» и «Присивашье». Но ни разу Гончар не употребил топоним «Северная Таврия».

Роман «Таврия» был очень популярным. Он много раз переиздавался миллионными тиражами, в том числе отдельно на иностранных языках и языках народов СССР, изучался в школах и вузах, а в 1959 году на экраны вышел одноимённый художественный фильм (режиссёр — Юрий Лысенко). Роман до сих пор вспоминают в интервью респонденты:

«Я читал всё, что было в нашей сельской библиотеке. И попало мне как-то очередное издание Гончара — “Таврия”. Я сразу за неё ухватился, мне понравилось название, но я не знал, что оно означает. И когда я прочитал этот роман, мне захотелось узнать, где же это место на карте. Я взял атлас и начал искать слово “Таврия”. Мне было удивительно, как для ребенка, выросшего на Полесье, где проводили мелиорацию, чтобы эту воду убрать, что в Таврии была постоянная нехватка воды» (М, 55, Львов).

«Нам ещё в школе на уроках истории говорили, что мы живём в Таврийском крае. О Таврии говорили, что её при Фальц-Фейнах заселяли выходцами из Полтавщины. Что там было какое-то восстание, и людей из-за этого в Таврию переселяли», — так воспроизвела одну из сюжетных линий романа пенсионерка из Херсонской обл. В дальнейшем к теме таврийских степей и их советского преобразования подключаются и другие известные украинские писатели: Максим Рыльский, Виктор Кочевский, Тэрень Масенко, Павло Загребельный, Остап Вышня, Иван Вырган (Paraskevych 2003).

В текстах 1950–70-х гг. часто противопоставляются новая орошаемая социалистическая Таврия, которая «покрыта зеленью лесонасаждений, рощ и садов», и «старая Таврия» — «полудикая окраина», над которой «нависала беспросветная тьма». Причина этих изменений — советская власть, которая смогла опровергнуть прогнозы имперских учёных:

«В середине прошлого столетия российские учёные К. Бер и Г. Гельмерсен писали, что “таврийские степи вследствие своего климата и недостатка воды всегда будут принадлежать к наиболее бедным и непригодным для обработки местностям Таврии“. Но им была уготована другая судьба. Её определила Октябрьская революция, советский уклад» (Danylenko et al. 1967: 103).

О преобразении края слагают песни, пишут в книгах:

«Резко преобразилась таврическая степь, когда на поля пришла живительная влага. Там, где раньше подгоняемое ветром, несло перекасти-поле, ныне раскинулись выравненные поля орошаемых массивов, поднялись густые хлеба, стеной стали кукурузные плантации, зашумели сады, сгибаясь под тяжестью плодов, засверкали на солнце увесистыми янтарными гроздьями виноградники» (Motornyy 1980: 23).

Комбинация «степь-орошение-изобилие-Таврия» становится литературным клише:

Херсонщины слава — степь без границ.

В могучих турбинах — течение Днепра.

Шумят виноградники, море бурлит —

Такой сейчас Таврия стала моя.

Каналы текут по степи жизни ради,

В садах, будто в рощах, поют соловьи,

И если у нас вы ещё не бывали,

Таврия ждёт вас, родные мои. (Alekseytsev 1962: 3, перевод с украинского — авт.)

Таким образом, новая социалистическая Таврия — это «Таврия-жница» (Branan 1978), высокопродуктивная сельскохозяйственная степь. Идеологически орошение активно подкрепляется историческим сюжетом, практически сакрализирующим территорию Таврии. Силами советских писателей, журналистов, композиторов, режиссёров того времени проводится параллель между разгромом войск Врангеля в 1920 г., начавшегося с Каховского плацдарма, и осуществлением Сталинского плана преобразования природы на юге Украины. Плотины Каховской ГЭС сооружают там, «где били Врангеля», — говорит главный герой популярного кинофильма «Поэма про море», снятого в 1958 г. по сценарию известного кинорежиссёра Александра Довженко. Так строительство Каховского гидроузла и Северо-Крымского канала ставится в один ряд с обороной Каховского плацдарма, штурмом Перекопских укреплений и разгромом Русской армии под командованием Петра Врангеля — последней крупной военной операцией Гражданской войны. «Перекопская равнина, таврийская степь стали полем великого боя перед Крымом», — пишет лауреат Сталинской премии Юрий Яновский. «Теперь в степи, от Каховки до Сиваша, идут большие работы на том легендарном пути, по которому в свой победный поход вели свои армии Фрунзе, Ворошилов и Будённый. Скоро здесь пройдут каналы с

днепровской водой. Землю, политую кровью и потом в прошлом, будут орошать днепровские воды» (Kotlyar 1951), — таким пафосом наполнены тексты тех лет.

В 1978 году на пластинке всесоюзной фирмы звукозаписи «Мелодия» выходит песня Марка Боянжу «Вдоль канала», где описывается фантастический визит бойцов Красной армии из прошлого в настоящее и их диалог с мелиораторами. Красноармейцы говорят своим собеседникам из будущего, что они ещё в 1920 году сражались за то, чтобы степь стала «зелёной сказкой», на что мелиораторы отвечают:

Самый лучший памятник героям —
Мы канал построим, мы канал построим
И водой днепровской землю напоим.
Чтобы степь от края до другого края
Заиграла хлебом молодым (Boyanzhu 1978)

Красноречивым закреплением мифа о генетической связи между победами советского оружия и достижениями коммунистического труда стало открытие в 1971 году в Красноперекопске (Крым) мемориала «Три штурма Перекопа». На трёх массивных пилонах памятника можно увидеть три даты: 1920, 1944, 1963. Где 1920 г. — это год штурма белогвардейских Перекопских укреплений, 1944 г. — штурм гитлеровской линии обороны в годы Второй мировой войны, и последняя дата — это год мирного «штурма» Перекопского перешейка во время строительства Северо-Крымского канала.

«Магистральный канал проходит на юг как раз по этой звёздной трассе [Чумацкому Шляху — Н. Г.] по которой молодая революция шагала в обмотках на штурм Перекопа» (Honchar 1963).

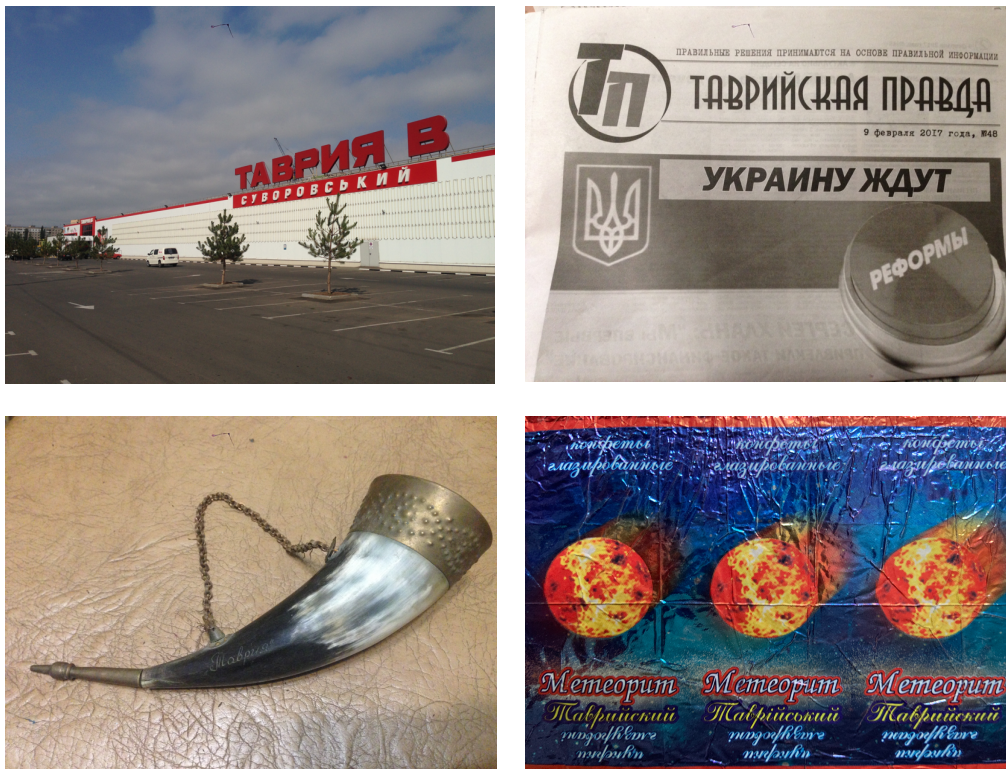
Последний «штурм» был не совсем мирным, так во время прокладки канала работали и сапёры, обезвреживающие неразорвавшиеся боеприпасы, оставшиеся в земле с военных времён. Об этом объединяющем эпохи сюжете много писали, в том числе О. Гончар в своём удостоенном Ленинской премии романе «Тронка» (1964 г.), и посвятили сюжет в фильме «Мы разбудили тебя, степь» (1961 г., режиссёр Юрий Рябов).

В 1954 году Крымская область РСФСР передается в состав Украинской ССР, в 1957 г. — создаётся Херсонский совнархоз (государственный орган территориального управления) в составе Крымской, Николаевской и Херсонской областей (с центром в Херсоне), а в 1963 г. материковая и крымская степи соединяются единой оросительной системой в составе одного государственного органа и одной республики. Год пуска днепровской воды в Крым стал годом окончательного «воссоединения» таврийской степи.

Параллельно ещё в Советском Союзе «Таврия» становится популярным названием и массовой торговой маркой. Колхозы с названием «Таврия» стали появляться в 1950-е гг. По состоянию на 1967 г. только в Херсонской области существовало шесть колхозов с названием «Таврия» (Diachenko 1967). В населённых пунктах Запорожской, Крымской и Херсонской областей «таврийские» названия

присваиваются магазинам, предприятиям общепита, гостиницам, санаториям, спортивным клубам, газетам, художественным коллективам и т. д. «Таврия» становится именем автомобиля, который массово производился на Запорожском автомобилестроительном заводе, дождевальной машины (Херсонский комбайновый завод им. Г. П. Петровского), бытовой техники: от фотоувеличителя «Таврия» (Феодосийский оптический завод) до одноимённой популярной электрошашлычницы (Новокаховский электромашиностроительный завод им. 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции), сувенирная версия которой украшалась росписью, стилизованной под народные промыслы — хохлому и жостовскую роспись.

Рис. 2. «Таврийские» эргонимы и прагматонимы: Супермаркет «Таврия В» (Одесса, 2020), газета «Таврийская правда» (Херсон, 2017), сувенирный рог «Таврия» (место производства неизвестно, 80-е годы XX ст.), конфеты «Метеорит таврийский» (Николаев, 2018). Фото автора

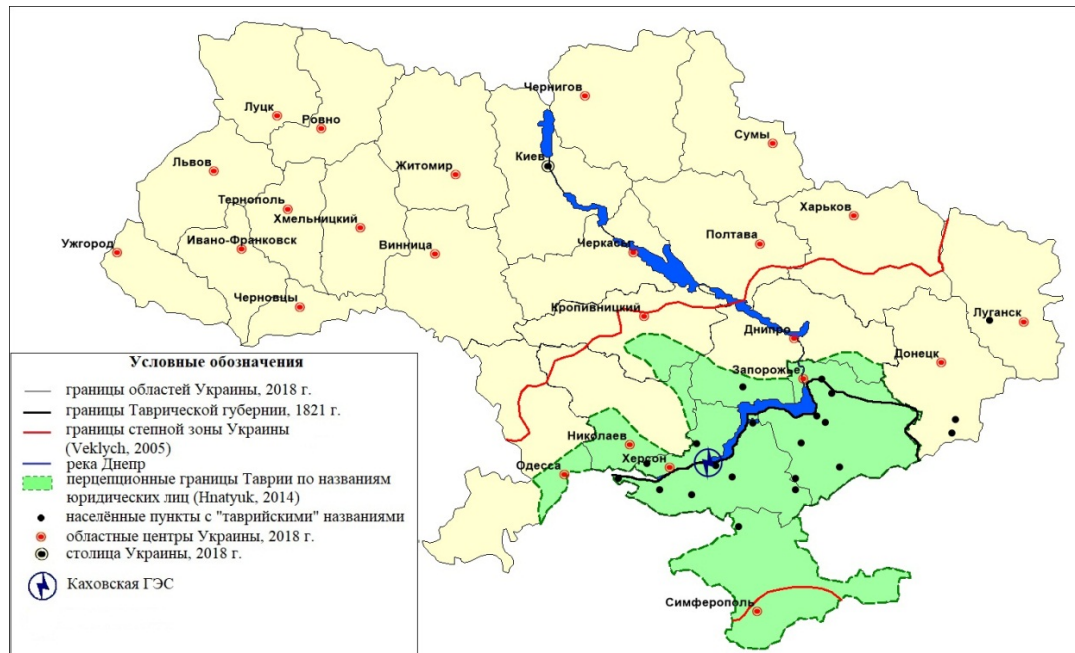
Но как бренд «Таврия» получила куда больше возможностей для территориальной «экспансии» в рыночных условиях. Вместо колхозов в регионе возникают частные сельскохозяйственные предприятия с названиями типа «Фермерское хозяйство «Таврийская степь»», «Сельскохозяйственное предприятие «Злато Таврии»», «Частное предприятие «Таврия Агроинвест» и др. Линейка названий довольно пёстрая: от стандартных названий типа «Таврия-степь» или Таврийский государственный агротехнологический университет (Мелитополь), до более экзотических названий типа «Землемер Таврии», «Панацея Таврии» или ООО «Таврийские свиньи». В своём исследовании 2014 г. Алексей Гнатюк приводит цифру 341 — именно столько предприятий и организаций Украины носили названия, связанные с топонимом «Таврия» (Gnatiuk 2014). И это один из самых больших

показателей употребления вернакулярного регионального топонима по всей Украине. Заметное визуальное присутствие на юге Украины и за её пределами имеет одесская сеть супермаркетов «Таврия В». Прямо на въезде в Одессу (которая никогда не входила в историческую Таврию) фасад огромного торгового мола встречает гостей города циклопическими буквами «Таврия В» (Рис. 2). Так в новых рыночных условиях концепт «Таврия» приобретает новый идеологический смысл и начинает приносить доходы уже частному бизнесу.

Ещё большее изобилие «таврийских» названий можно увидеть на этикетках продукции пищевой промышленности. На прилавках Украины можно встретить печенье «Таврийские хрустяшки» («Арис», Мелитополь), конфеты «Метеорит таврийский» («Альпи-Украина», Николаев), «Таврия» и «Сладости Таврии» (Херсонская кондитерская фабрика), маргарин «Тавричанка» (Новокаховский завод плавленных сыров), подсолнечное масло «Золото Таврии» («Экобиотек-Украина, Херсон), хлеб «Таврийский» (Торговая марка «ОСА», Херсон), булочки «Таврийские» (Николаевский хлебозавод №1), печенье «Солнечная Таврия» (Херсонская кондитерская фабрика), пиво «Таврийский эль» (Южная степная пивоварня «Дрофа», Херсон) и даже тульский пряник «Таврия» (Херсонский хлебокомбинат). Достаточно насыщенной является линейка спиртных напитков. Вина и коньяки с «таврийскими» названиями встречаются на этикетках винодельческих предприятий Крыма, Одесской и Херсонской областей. По состоянию на 2016 год было зафиксировано 14 названий вин с «таврийскими» названиями. Если добавить сюда снятые с производства вина, то этот список перевалит за два десятка (Нотануик 2016). Винодельческое предприятие с «таврийским» названием «Дом марочных коньяков «Таврия»» находится как раз в Новой Каховке недалеко от Каховского гидроузла.

Таврийские названия не только сохранились в сфере услуг, но и заняли новые для себя позиции. В ресторане можно закусить «Таврийским оливье» (ресторан «Крыныченька» в Херсоне), в театре посмотреть спектакль «Как в селе таврийском весело друзья живут» (Херсонский академический музыкально-драматический театр им. Н. Кулиша), подстричься в парикмахерской «Тавричанка» (Херсон), летом отдохнуть в пансионате «Посейдон-Таврия» (село Приморское Херсонской области), отобедать в столовой «Таврия» в Скадовске и съездить на экскурсию «Южная Таврия» в Мелитополь. То есть, если в советское время восприятие пространства и идентичности формировалось писателями, журналистами и учёными, то в XXI веке этим занялись криейторы, дизайнеры и мерчандайзеры.

Рис. 3. Соотношение ареалов Таврийской губернии, вернакулярного Таврийского края, степной зоны и зоны распространения «таврийской» топонимии в Украине

«Таврийские» названия стали популярными вследствие нескольких продуктивных с точки зрения маркетинга коннотаций. «Таврия» как слово из древности искусственно состаривает бренд, степной контекст обеспечивает более крупный масштаб и выводит фирму/предприятие из локального на межобластной уровень.

«Как к вам пришла идея назвать свое предприятие “Таврийская торговая компания”? Во-первых, это наш край. Во-вторых, хотелось, чтобы название создавало видимость глобальности, потому что “таврийская” она как бы охватывает весь регион, больше, чем область. После этого мой друг тоже назвал свою фирму “Таврийская агроторговая компания”» (М, 39, Херсон).

Последнее закрепление «Таврии» в украинской материковой степи связано с упомянутой ранее кампанией переименования 2015–2018 гг. Парадоксальным образом, но таврийская топонимия, пришедшая на земли степной Украины вследствие идеологической работы, восхваляющей достижения Коммунистической партии Советского Союза, стала инструментом декоммунизации. Кроме ещё пяти новых сёл и посёлков с названием «Таврийское» в Запорожской и Херсонской областях и двадцати шести с названием «Степное» (Verkhovna Rada 2019), на картах населенных пунктов степной зоны Украины появились ещё и десятки «таврийских» и «степных» улиц (Dukach 2018; Номанчук 2019). Можно предположить, что вследствие своей кажущейся этимологической нейтральности такие названия стали компромиссным вариантом для тех, кто не хотел, чтобы на смену коммунистическим названиям приходили названия, связанные с украинской национальной политической историей.

Таврия, таврийская степь как советский идеологический продукт не исчезла вместе с Советским Союзом. В рыночных условиях «таврийские» названия стали активно использовать с целью продвижения товаров и услуг. В результате «Таврия»

получила новый идеологический смысл, что дало ей возможность увеличивать собственный ареал уже в независимой Украине. К 2018 году перцепционные границы Таврии расширились и распространились на другие области – Днепропетровскую, Донецкую, Кировоградскую, Николаевскую, и Одесскую, то есть на большую часть украинской степи (Рис. 3). Таким образом, геоэкологические и экономические основания вернакулярного региона не только делают его устойчивым при смене политического курса, но и расширяют границы его ареала. Поскольку «таврийская степь» является продуктом модернизации, она отлично вписывается в современные контексты.

Эстетика и экономика степи

Все советские школьники учили наизусть отрывок из «Тараса Бульбы» Николая Гоголя:

«Степь чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, всё то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Чёрного моря, было зелёною, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений... Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов».

Таврийская степь в описаниях современников выглядит не менее романтично, но принципиально иначе:

«Сначала всё зеленое. А вот как пшеница подрастёт, смотришь, а те колоски как золотом мигают на солнце. И оно волнами так, волнами, как ветерок подует, золотыми волнами идёт» (Ж, 55, Херсонская обл.).

«Хлеба и это небо. Есть такие моменты, что только хлеб и небо. И ты смотришь, и видишь национальный флаг украинский. Действительно, вот эти два цвета» (М, 47, Херсонская обл.).

«Поля очень красивые, засеянные разным. Когда цветет подсолнечник, рапс — очень красиво. Смотришь — каждое поле обработано. Очень красиво» (Ж, 56, Херсонская обл.).

Или таврийская степь в описаниях современных поэтов Николая Ткача:

Степь да степь... Золотая долина.

И бескрайние всюду поля.

Что ни год, что ни день расцветает

Наша Таврия, наша земля (со стенда в пгт Новотроицкое, перевод с укр. — авт.)

Валерия Кулика:

Я сызмальства влюблен в поля

И степь таврийская — святая для меня земля.

Тут солнцем обогреты курганы

Ветров могучих слушают органы (с пригласительного билета, перевод с укр.

— авт.)

и Леонида Кулиша:

Где полз меж ковылями шлях,

Скрипели горестно чумацкие повозки,

Там тракт асфальтовый в полях,

Лесов в степи зелёные полосы (Kulish 1971: 19) (перевод с укр. — авт.)

С точки зрения стилистики и эстетики описанная таврийская степь явно соцреалистическая: преображённая, аграрная, «оборудованная» современными дорогами и защитными лесонасаждениями. Её чаще описывают во время сбора урожая или в период активной вегетации сельскохозяйственных растений. Такая степь хорошо вписывается в социалистический реализм как художественный метод, представляющий собой эстетическое выражение социалистически осознанной концепции мира и человека, обусловленной эпохой борьбы за установление и созидание социалистического общества. А с точки зрения политэкономии «социалистический строй, утвердившийся в СССР, означает безраздельное господство крупного производства не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве» (Ostrovityanov et al. 1954). Таким образом, эстетическое восприятие Таврии отражает экономику края. Ставший штампом образ «золотой Таврии», «золотой степи» указывает на доминирующие в сельском хозяйстве региона культуры: зерновые (пшеница, ячмень, кукуруза) и масличные (подсолнечник и рапс). Отсюда Таврия, таврийская степь — это не просто бескрайняя равнина, это сельскохозяйственные угодья для крупнотоварного производства. В этом смысле таврийская степь остаётся степью советской — сельскохозяйственной, интенсивной, крупнотоварной, механизированной, монокультурной.

Однако такая «соцреалистичность» Таврии неплохо вписывается и в капиталистическую реальность. Сравните её описание с описанием Соединённых Штатов Америки в знаменитой песне Кетрин Ли Бейтс «Америка прекрасна»:

Прекрасна в вольности небес,

Неся янтарь полей

И гордых гор пурпурный блеск

Над сочностью степей,

Америка, Америка! (перевод с англ. — Алексей Сергейчук) (Bates,

Sergejcsjuk 2008).

Такая эстетическая параллель иллюстрирует утверждение, что в глобальном историческом контексте между советской и капиталистической экономикой существует определённое сходство, которое даёт возможность колхозному сельскому хозяйству относительно быстро трансформироваться в сельское хозяйство капиталистического типа (Kuns 2017: 71). Таким образом, «таврийский кейс» вписывается в концепцию того, что каждый политический проект является экологическим проектом (Swyngedouw 2015), а природные, географические и

хозяйственные особенности (лексически нейтральные) региона выступают в качестве важных компонентов идеологических конструкторов, влияющих на восприятие пространства.

Поэтому не удивительно, что после того, когда в рыночных условиях земля сельскохозяйственного назначения в Украине фактически стала товаром, слово «таврийская» делает её символически более ценной. Это слово как советский «Знак качества». Таврийская степь — это степь, готовая к производству, степь, готовая приносить прибыль. Крупный международный инвестиционный форум, проходящий ежегодно в разных населенных пунктах Херсонской области, называется «Таврийские горизонты» (степной горизонт — самый растиражированный образ степи). А вот строки из презентационного буклета:

«Таврийский край для ваших инвестиций. Новотроицкий район — это богатая таврийская земля с необъятными и щедрыми степями».

Не забывает о ценности таврийской земли и Государственная фискальная служба Украины в Херсонской области, Автономной республике Крым и Севастополе. Во время декларационной кампании 2018 г. в регионе были развешены билборды с призывом к собственникам земельных паёв и их наследникам платить налоги. На фоне стандартного степного аграрного ландшафта налоговики обращаются к гражданам: «Таврийская земля — наше богатство!» (Рис. 4).

Рис. 4. Билборд «Таврийская земля — наше богатство»

Источник: Официальный сайт Территориального органа Государственной фискальной службы Украины в Херсонской обл., АР Крым и г. Севастополе

Таким образом, экономическая и экологическая трансформация природной зоны влияет на социальное восприятие пространства, на процесс формирования границ вернакулярных регионов и становится пространством для производства идей. В отношении южно-украинской степи источником такой трансформации стала ирригация. «Таврийская степь» стала важной символической величиной во время реализации Сталинского плана преобразования природы. Понятия «таврийская степь», «Таврия» в современном понимании были сформированы во второй половине

XX века в рамках проекта обводнения степи на территории Запорожской, Крымской и Херсонской областей. В последующем расширение ареала Таврии происходило как за счёт увеличения площади орошаемых земель, так и за счёт примыкающей неорошаемой периферии. Ирригация и поддерживающая её информационная идеологическая кампания сформировали не только новый тип хозяйствования, но и Таврию как вернакулярный регион, а рыночная экономика и декоммунизация расширили его границы.

Выводы

Подытоживая, можно сказать, что «таврийская» топонимия оказалась удобным субстратом для абсолютно противоположных целей: она служила и служит как символом триумфа социализма, так и инструментом избавления от него, она успешно вписывается как в плановую, так и в рыночную экономику, её можно успешно использовать как для распространения имперской идеи, так и идеи национального государства. Если в имперскую эпоху идеология преимущественно апеллирует к истории (реальной или искажённой) и религии, то в периоды модернизации акцент смещается в сторону обращения к окружающей среде, природе. Таврийская топонимия на первый взгляд свободно попадает в категорию «нейтральная», так как апеллирует и к древней истории, и к природным ландшафтам, и к хозяйственной деятельности, и к литературе. При этом все эти составляющие успешно эксплуатировались различными идеологиями. И даже деидеологизация топонимики подразумевает имплицитное сопротивление осуществляющих эту деидеологизацию акторов в противовес навязывания им той или иной идеологии.

Идеологическая составляющая топонимии, топонимическая политика в свою очередь являются факторами, влияющими на процессы восприятия пространства, действенными механизмами формирования вернакулярных регионов, факторами формирования их ареалов, их имиджа и образности. В нашем случае «старая Таврия» как регион сформировалась в ходе имперского «Греческого проекта», модернизированная Таврия оформилась как вернакулярный регион в ходе реализации советского ирригационного проекта, а современная украинская Таврия успешно коммерциализировалась и не только закрепилась, но и значительно расширилась на юге Украины в рамках рыночной экономики и кампании декоммунизации. Степной ландшафт Таврии в силу своей визуальной бесконечности, обширности, возможности расширения представляет собой удобный субстрат для любой идеологии — социалистической, консервативной или либеральной. Таким образом, Таврия одновременно является и вернакулярным регионом, и идеологическим конструктом с изменяющимся значением. Таврийский кейс говорит о практике присвоения новых смыслов даже изначально семантически нейтральным топонимам в ходе конкретных политических кампаний с помощью этимологизации и деэтимологизации названий.

Итак, одним из механизмов формирования и поддержки существования вернакулярных районов является деятельность идеологических аппаратов государства. Топонимические преобразования при этом могут служить как

инструментом идеологического воздействия, так и его следствием. Политические, экономические и экологические проекты, осуществляемые в рамках той или иной идеологии, могут прибегать к семантически нейтральным названиям, связывая идеологию в единый комплекс с географией, природой и историей. Соответствующая топонимия формирует вернакулярные районы как директивно, через указы о названии/переименовании, так и опосредовано через формирование региональной идентичности с помощью дискурсивных практик.

Bibliography:

- Alekseytsev, Semen. (1962). *Tavriya moja* [From Ukr.: My Tavia]. V *Sonyachna Tavriya. Virshi samodiyalnykh avtoriv* [From Ukr.: My Tavia. The poems of amatory poets]. Kherson: Khersonske knyzhkovo-hazetne vydavnytstvo.
- Alfavitnyy pokazhchyk naselenykh punktiv Ukrainy* [From Ukr.: Alphabetic list of settlements of Ukraine]. Oficijnyj sait Verkhovnoyi Rady Ukrayiny [From Ukr.: The Official web-page of Supreme Council of Ukraine] <http://static.rada.gov.ua/zakon/new/NEWSAIT/ADM/zmist.html> (accessed 1 May 2019).
- Althusser, Louis. (1971). Ideology and ideological state apparatuses. (Notes towards an Investigation). In *Lenin and philosophy and other essays*. New York: Monthly Review Press, 121–176.
- Anderson, Benedict. (1991). *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso.
- Azaryahu, Maoz. (1996). The power of commemorative street names. *Environment and Planning D. Society and Space* 4: 311–330. http://aktuality.fsv.cuni.cz/upload/Azaryahu1996_Power_Commemorative_Street-Names.pdf (accessed 1.5.2019).
- Bichsel, Christine. (2017). From dry hell to blossoming garden. Metaphors and poetry in Soviet irrigation literature on the Hungry Steppe. *Water History* 9 (3): 337–359.
- Boyanzhu, Mark. (1978). *Vdol kanala*. [From Rus.: Along of Canal]. V *200 let Khersona (gramplastinka)* [From Rus.: 200 years of Kherson (vinyl disc)]. Moscow: Melodiya.
- Bratan, Mykola. (2009). *Holuby nad batkivskoyu khatoyu*. [From Ukr.: Doves above of father's house]. Kherson: Aylant.
- Bucher, Slavomir et al. (2013). The perception of identity through urban toponyms in the regional cities of Slovakia. *Anthropological Notebooks* 19(3): 23–40.
- Crljenko, Ivana. (2012). The renaming of streets and squares in post-socialist Croatian towns. *Language and society* 3: 230-241.
- Danylenko, M. et al. (1967). *Naddnipyrianska moja storona* [From Ukr.: My Cis-Dnieper region]. Odesa: Mayak.
- Diachenko, A. (1967). *Khersonska oblast'. Administratyvno-terytorialny podil*. [From Ukr.: Kherson oblast'. The administrative division]. Kherson: Upravlinnya politpresy.
- Drogushevska, Iryna. (2017). Dekomunizatsiya toponimii: conceptsia povernennia istorychnykh nazv v Ukrayini. [From Ukr.: Decommunization of toponymy: the concept of returning of historical names on the map of Ukraine]. *Problemy bezpererвної heohrafichnoyi osvity i kartohrafiyi* [From Ukr.: Problems of uninterrupted geographic education and cartography] 26: 22–27.
- Dukach, Juliya. (2018). Na chyyu chest' nazvani vulyci Ukrayiny? [From Ukr.: In whose honor are the streets of Ukraine named?]. *Teksty*, <https://texty.org.ua/d/2018/streets/> (accessed 1 April 2020).

- Gnatiuk, Oleksiy. (2014). Nazvy pidpnyemstv ta orhanizatsiy Ukrayiny yak marker terytorialnoyi identychnosti naselennya. [From Ukr.: The names of firms and organizations as a marker of territorial identity of population]. *Kyivsky heohrafichny shchorichnyk* [from Ukr.: Kyiv yearly book] 9: 67–77.
- Gnatiuk, Oleksiy. (2018). The renaming of streets in post-revolutionary Ukraine: Regional strategies to construct a new national identity. *Acta Universitatis Carolinae. Geographica. Univerzita Karlova* 53(2): 1–18.
- Grauzhis, R., Lazarenko, V. & Sinkevich, L. (1953). Arkhitektura gidrotekhnicheskikh sooruzheniy Yuzhno-Ukrainskogo kanala. [From Rus.: Architecture of hydrotechnical construction of South-Ukrainian Canal]. *Vestnik Akademii arkhitektury USSR* [From Rus: Journal of Architectural Academy of the USSR]. <https://ru-sovarch.livejournal.com/549983.html> (accessed 1 August 2019).
- Homanyuk, Nikolay. (2016). Vinnaya karta Tavrii: istoricheskie i geograficheskiye nazvaniya v sortimente vinodel'cheskoy promyshlennosti yuga Ukrainy [From Rus.: Wine map of Tavria: historical and geographical names in assortment of South Ukraine's wine industry]. V *Mynule i suchasnist': Khersonshchyna. Tavriya. Kakhovka* [From Ukr.: Past and modernity: Kherson region, Tavria, Kakhovka]. Kakhovka–Kherson: Hileya, 41–44.
- Homanyuk, Mykola. (2019). 'Battle for Tavria': A historical region in politics and in the market of goods and services. *Ekonomichna ta Sotsialna Geografiya* 82: 4–9.
- Honchar, Oles'. (1952). *Tavriya*. [From Ukr.: Tavria]. Kyiv: Radyanskyi pys'mennyk.
- Honchar, Oles'. (1963). *Tronka*. [From Ukr.: Sheep bell]. Kyiv: Radyanskyi pys'mennyk.
- Kotlyar, A. (1951). *Na Kakhovskom platsdarme* [From Rus.: On Kakhovka foothold]. Odessa: Odesskoe oblastnoe izdatelstvo.
- Kovaliov, M. et al. (1958). *Druha na Dnipri. Rozpovidi budivnykiv Kakhovskoyi GES* [From Ukr.: The second on Dnieper. Stories of Kakhovka water-power plant builders]. Kyiv: Derzhpolityvdav.
- Kudriavtseva, Natalia. (2020). Reconfiguring identities within the cityscape: ideologies of decommunization renaming in Ukraine. *Forthcoming in Ideology and Politics Journal* 1(15).
- Kulich, Leonid. (1971). *Stepove politytya*. [From Ukr.: Steppe after summertime]. Odesa: Mayak.
- Kuns, Brian. (2017). *Peasant and Stock Markets. Pathways from Collective Farming in the Post-Soviet Grain-Belt*. Stockholm: Stockholm University.
- Ljusyj, Aleksandr. (2003). *Krymskij tekst russkoj kul'tury i problema mifologicheskogo konteksta* [From Rus.: Crimean text of Russian culture and the problem of mythological context]. <http://cheloveknauka.com/v/78909/a?#?page=4> (accessed 1 April 2020).
- Males, Lyudmyla & Deineka, Artemiy. (2020). Diskurs dekomunizacii Kieva v opyte pereimenovanij [From Rus.: Discourse of decommunization of Kiev in the frame of renaming experiences]. *Forthcoming in Ideology and Politics Journal* 1(15).
- Motornyy, Dmytro. (1980). *Zemlya i lyudy* [From Ukr.: Land and people]. Kyiv: Urozhay.
- Murzaev, Eduard. (2001). *Slovo na karte* [Word on the map]. Moscow: Armada-press.
- Neumann, Iver. (1999). *The uses of the other: "The East" in European identity formation*. Minneapolis: Minnesota press.
- Ostrovityanov, Konstantin et al. (1954). *Politicheskaya ekonomiya* [From Rus.: Political economy]. Moscow: Politizdat.
- Paraskevych, Pavlo. (2003). *Storinky literaturnoyi Khersonshchyny* [From Ukr.: Pages of literature Kherson oblast']. Kherson: Oldi-Plyus.
- Podol'skaja, Natalja. (1988). *Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii* [From Rus.: Dictionary of Russian onomastic nomenclature]. Moscow: Nauka.

- Sergejčuk, Aleksej. (2008). Amerika, Amerika! *Stihi.ru*. [From Rus.: Verses.ry]. <https://www.stihi.ru/2008/11/14/1155> (accessed 1 April 2020).
- Shenk, Frithjof Benjamin. (2016). *Poezd v sovremennos'. Mobil'nost' i social'noe prostranstvo Rossii v vek zheleznyh dorog* [From Rus.: Train to modernity. Mobility and social space of Russia in the age of railways]. Moscow: NLO.
- Smirnjagin, Leonid (2013). Vernakuljarnyj rajon. [From Rus.: Vernacular region]. V *Social'no-ekonomičeskaja geografija: ponjatija i terminy. Slovar'-spravočnik* [from Rus.: Socio-economic geography: concepts and terms. A reference book]. Gorkin, Aleksandr (red.). Smolensk: Ojkumena, 35–36.
- Sovet Ministrov USSR. (1950). *Postanovlenie 'O stroitel'stve Kahovskoj gidroelektrostantsii na reke Dnepr, Juzhno-Ukrainskogo kanala, Severo-Krymskogo kanala i ob oroshenii juzhnyh rajonov Ukrainy i severnyh rajonov Kryma*» [From Rus.: Decree "About building of Kakhovka water-power plant on the Dnieper River, South-Ukrainian Canal, North-Crimean Canal and the irrigation of southern regions of Ukraine and northern regions of Crimea"]. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. [from Rus. The Russian Federation State Archive], fond R-5446. Opis' 1 D. 434. L. 169–174. <http://krym.rusarchives.ru/dokumenty/postanovlenie-soveta-ministrov-sssr-o-stroitel'stve-kahovskoy-gidroelektrostantsii-na-reke> (accessed 1 April 2020).
- Swyngedouw, Erik. (2015). *Liquid power: contested hydro-modernities in twentieth-century*. Spain, Cambridge: MIT Press.
- Takhtaulova, Mariya. (2017). Kharkivska toponimika: etapy dekomunizatsii [from Ukr.: Kharkiv toponymy: phases of decommunization]. V *Misto: istoriya, kultura, suspilstvo* [from Ukr.: City: history, culture, society]. <http://nbuv.gov.ua/UJRN/miks> (accessed 18 March 2020).
- Veklych, L. (2005). *Kompleksnyy atlas Ukrainy* [from Rus.: A combined atlas of Ukraine]. Kyiv: Kartografiya.
- Yanko, Mykola. (1973). *Toponimichnyy slovnyk-dovidnyk Ukrayinskoyi SSR* [From Ukr.: Toponymy dictionary-handbook of Ukrainian SSR]. Kyiv: Radyans'ka shkola.
- Yas', Oleksij. (2013). Tavrida, Tavrika, Tavriya. [From Ukr.: Tauride, Tavrica, Tavria]. V *Encyclopedia istoriyi Ukrayiny* [From Ukr.: Encyclopedia of the history of Ukraine] <http://www.history.org.ua/?termin=Tavryka> (accessed 1 April 2020).
- Zelinsky, Wilbur. (1980). North America's vernacular regions. *Annals of the Association of American Geographers* 70: 1–16. <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1111/j.1467-8306.1980.tb01293.x> (accessed 1 April 2020).
- Zorin, Andrej. (2001). *Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII–pervoy treti XIX veka* [From Rus.: Feeding of two-headed eagle... Russian literature and state ideology in last third XVIII–first third XIX centuries]. Moscow: NLO.